Робинзон Кузо

и море, которое смотрит в ответ

Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и море, которое смотрит в ответ

https://litres.ru/75012963
SelfPub; 2026

Аннотация

На пути к северу «Сполох» застревает в Думном море. В его гладкой воде каждый видит то, о чём молчит. Кузо спешит найти маму, а капитан Барсур боится, что после встречи с ней рыжий котёнок больше не вернётся на корабль. Весна близко, лёд вот-вот тронется. Сумеют ли Кузо и Барсур сказать друг другу то, что море уже разглядело?

Содержание

Глава 1. Капитан не спит 4
Глава 2. Письмо, которое ждало в бочке 9
Глава 3. Вода, которая держит 14
Глава 4. Пингвин, которого не может быть 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и море, которое смотрит в ответ

Глава 1. Капитан не спит

Барсур не любил весну.

Зиму он понимал. Зимой лёд честный: стоит — значит, держит. Летом вода честная: где глубоко, там глубоко. А весной лёд врёт. Сверху он белый и крепкий, а снизу его уже съела вода. Наступишь — и узнаешь правду, только поздно.

Так он думал всю жизнь. И только в эту ночь понял, что не любит весну совсем по другой причине.

Была ночь после Петелек, городка вязальщиков. Ёж Колкий связал там кривую жёлтую звезду, и теперь она качалась на седьмой мачте «Сполоха». Барсур видел её от штурвала, если поворачивал голову.

Но он не поворачивал. Он смотрел на паруса.

Паруса «Сполоха» по ночам светились. Это было обычное дело, к нему все давно привыкли. Только светились они неровно. С той стороны, что смотрела на север, свет был ярче, будто кто-то с севера дышал на них тёплым. Барсур был уверен: это она. Кошка с белыми лапами, мама рыжего Кузо,

Кузина Мур. Это она там, за последним льдом, каждую ночь поёт колыбельную спящему сиянию.

Вечером над мачтами пролетела большая чёрная птица. Сделала два круга и улетела на север. Рыжий прошептал: «Кырк?»

Барсур тоже узнал ворона: на острове Полуночном Кырк был свидетелем в споре двух духов и говорил одними загадками. Знает больше, чем говорит. «Как я», — подумал Барсур и поморщился.

Из люка, где спала команда, доносилось тихое мурлыканье. Рыжий пел во сне. Те самые пять нот, без слов. Он и наяву пел их каждый вечер, а теперь, выходит, и во сне.

Барсур слушал и держал штурвал.

Весной лёд пойдёт. Дорога на север откроется. Они доплывут туда, где спит сияние. Рыжий увидит маму.

А потом?

Мысль пришла сама, тихо, как вода под лёд. Барсур её не звал. Найдём маму — и рыжий останется там. С ней. В тёплом доме за последним льдом, где его ждали много лет и мерили рост зарубками на лиственницах. А «Сполох» поплывёт обратно. Без рыжего. И на седьмой мачте его зарубка больше не поднимется ни на коготь.

Барсуру стало стыдно, как будто он стащил чужое. Капитан должен хотеть, чтобы маму нашли. Он и хотел. Сам вёл корабль на север, сам разослал по свету всю команду, сто двенадцать матросов, искать кошку с белыми лапами. Хотел.

Честно.

И боялся. Тоже честно.

Он передал штурвал Шкоту, который стоял ночную вахту. Потом ушёл в каюту и открыл судовой журнал. Первая строчка там была старая: «Взяли на борт рыжего кота. Опять». Барсур перелистал до чистой страницы, обмакнул перо и написал:

«Ворон улетел на север. Рыжий поёт во сне. Я».

Перо остановилось. Что «я»? Барсур посмотрел на это слово и зачеркнул его. Аккуратно, одной линией, как зачёркивают неверный курс.

Утром Пуговка выбралась из своей коробочки под койкой, открыла блокнот и зачеркнула ещё одну клеточку.

— До весны сорок девять, — объявила она.

— А что будет весной? — спросила Вега.

Она сидела на бочке у грот-мачты и пила чай. Плащ цвета грозового неба, круглые медные очки-иллюминаторы на лбу, хвост в тонкую тёмную полоску. Вега была исследовательницей миров и задавала вопросы так, будто записывала ответы в невидимую тетрадь.

— На севере весна не по календарю, — сказал Барсур. — Весна — это когда пойдёт лёд. И солнце перестанет садиться.

— Совсем? — Вега поставила кружку.

— Совсем. Будет светить и днём, и ночью. Ходит по кругу и не заходит.

— Как дома! — Вега вскочила и чуть не опрокинула боч-

ку. — У нас ночи вообще не было! Свет, свет и свет. Я думала, у вас так не бывает!

— Бывает, — сказал Барсур. — На севере. Весной.

— Значит, весна мне понравится, — решила Вега.

Барсур ничего не ответил.

Брамс вышел из камбуза с двумя банками в лапах и письмом в зубах. Банки он поставил на палубу, письмо выплюнул в лапу, вытер о фартук и показал всем.

— Колкий — сестре Фане, — сказал он. — Первая почтовая бочка — моя. А это, — он поднял банку с шиповниковым вареньем, — вернуть Колкому. Он сказал: «Банку вернёшь». Я сказал: «Верну». А это, — он поднял вторую, пустую и круглую, — ежу с Перины. Тоже вернуть.

— Ты эту банку уже через полсвета везёшь, — сказал Кузо.

— Банки не торопятся, — важно ответил Брамс. — Банки ждут.

Кузо засмеялся. Он стоял у борта в красном шарфе, и ветер трепал бахрому. На концах шарфа были вывязаны тёмные точки, по семь с каждой стороны. Этот шарф мама связала в Петельках, когда Кузо ещё не было на свете. «На вырост». И он дорос. Теперь он то и дело трогал точки лапой, будто проверял, на месте ли они.

Барсур отвернулся.

Вечером, как всегда, считали мачты. Кузо считал громко, Вега вместе с ним, Пуговка тоненько, Брамс басом с порога

камбуза.

— Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

— Семь, — сказал Барсур.

Сказал тише обычного. Почти себе под нос.

Седьмая мачта скрипнула. Кузо умел немного слышать, о чём скрипят мачты, — как слова за стенкой. Сейчас скрип был вопросительный, будто мачта переспросила: «Семь?»

— Капитан, — сказал Кузо, — вы охрипли?

— Ветер, — сказал Барсур.

Ветра не было. Паруса висели тихо и светились носом на север.

Глава 2. Письмо, которое ждало в бочке

Дни стали расти.

Сначала этого никто не замечал. Потом Пуговка начала записывать, когда садится солнце, и оказалось, что каждый вечер оно задерживается на небе чуть дольше. Будто кто-то потихоньку отпускал его гулять всё позже и позже.

— Как тесто, — сказал Брамс. — Сначала незаметно, а потом раз — и полная кастрюля.

Над «Сполохом» тянулись на север птичьи стаи. Гуси летели клином, перекликаясь, утки — низко, над самой водой. Кузо провожал их глазами.

— Они тоже туда? — спросил он.

— Туда, — сказал Барсур. — Весной все туда.

Шкот, морской котик, лежал на тёплой от солнца крышке люка и грел живот. Он первым из ста двенадцати матросов вернулся на корабль. Остальные сто одиннадцать ждали где-то на севере, у кромки льда.

— Скоро будет бочка, — сказал он, не открывая глаз. — Почтовая. На Сером камне. Мы там в прошлом году письмо оставили.

Почтовые бочки стояли на скалах и пустых островах по всему морю. Моряк кладёт туда своё письмо, а чужие заби-

рает, если ему по пути. Так письма и путешествуют из бочки в бочку. Медленно, зато верно.

Серый камень показался на десятый день: голая скала, вся в птичьем помёте, а на макушке, привязанная тросами, старая бочка с жестяным флажком. Шлюпку спустили Барсур и Брамс. Брамс сидел на вёслах с письмом Колкого за пазухой и сиял.

— Первое письмо в моей жизни, которое я везу, а не жду, — сказал он.

В бочке лежало три письма. Два были чужие, в далёкие порты. А третье — толстый конверт, запечатанный смолой. На смоле отпечаталась лапа. Сверху было выведено крупно, неровно: «Капитану Барсуру — от ста двенадцати».

Барсур взял конверт и долго на него смотрел. Потом сунул за отворот куртки, а Брамс опустил в бочку письмо Колкого сестре Фане.

— Прочитаю в каюте, — сказал Барсур.

Он прочитал в каюте. Один. Закрыв дверь.

«Капитан. Мы на Моржовой косе. Все сто одиннадцать. Живы, толстые, Канифас отрастил бороду. Старый морж-зимовщик говорит, что лёд тронется в первый день весны, — под водой слышно, как он трещит. Не опоздайте. После ледохода путь на север будет открыт недолго. Короче всего к нам — через Думное море. Шкот знает. Не смотрите за борт. Ждём».

Барсур прочитал письмо дважды. Потом сложил и спрятал

в журнал.

Когда он вышел на палубу, все стояли и ждали.

— Ну? — спросил Кузо.

— Ждут, — сказал Барсур. — На Моржовой косе.

— И всё?

— Всё.

Остальное он почему-то не сказал. Слова лежали у него внутри, как камни в кармане, и вынимать их не хотелось.

Вместо этого он обошёл корабль и остановился у кормы. Там, на борту, была заплатка. Светлая, из гнутой доски, ещё с Кубоземья. Держала она крепко. Барсур постучал по ней костяшкой.

— Переберём, — сказал он. — Встанем у Серого камня на два дня.

Брамс открыл рот. Закрыл. Опять открыл.

— Капитан, — сказал он осторожно. — Её же можно на ходу.

— Можно на ходу, — согласился Барсур. — А можно как следует.

Встали на два дня. Брамс и Шкот перебирали заплатку, которую не нужно было перебирать. Пуговка зачеркнула две клеточки, потом посмотрела на них и вздохнула. Кузо ходил вокруг капитана и молчал. Барсур делал вид, что не замечает.

«Два дня — немного, — говорил себе Барсур. — Два дня ничего не решают». И старался не вспоминать одну строчку

из письма: «Не опоздайте».

На третий день Брамс принёс ему в каюту пирог.

— Я его уже два раза подогрел, — сказал он. — Он думал, мы плывём. А мы стоим.

— Пирог не думает, — сказал Барсур.

— Мой — думает, — обиделся Брамс.

К вечеру тронулись. Шкот лёг у штурвала и показал носом вперёд, чуть правее заката.

— Туда, — сказал он. — Через Думное море. Вокруг — почти два месяца. Не успеем.

— Что за море? — спросил Кузо.

Шкот поёжился, хотя было тепло.

— Нам про него рассказывал один старый тюлень, — сказал он. — Говорил: «Туда не смотрят. Оно смотрит в ответ».

— Как это — смотрит? — Вега вытащила блокнот.

— Не знаю. Мы шли вокруг. Тюлень сказал, что там вода тихая-тихая, как в тарелке. А когда совсем тихо, море начинает думать. И показывает.

— Что показывает?

— Тебя, — сказал Шкот. — Так тюлень говорил. Тебя самого.

Стало тихо. Только Уголёк в печке на камбузе громко треснул: он, как всегда, подслушивал.

— Вздор, — сказал Барсур. — Море — это вода. Вода ничего не думает.

Но курс он поменял не сразу. Держал штурвал и смотрел

на север, туда, где за горизонтом лежала тихая вода. Потом всё-таки повернул.

— Через Думное, — сказал он. — Раз короче.

Кузо подошёл и встал рядом.

— Капитан, — тихо сказал он, — а чего вы боитесь?

— Ничего, — сказал Барсур. — Курс норд, на север.

Это была уже вторая неправда за две недели. Первая — про ветер, когда ветра не было. Обе маленькие. Но Барсур чувствовал их языком, как трещину на зубе.

Глава 3. Вода, которая держит

До Думного моря шли три недели. Клеточек у Пуговки осталось шестнадцать.

Думное море началось с тумана.

Туман стоял над водой ровной стеной, будто кто-то повесил поперёк моря простыню. «Сполох» вошёл в него носом, и сразу стало тихо. Пропал плеск, пропал скрип канатов, пропали даже чайки. Только капало с парусов.

А потом туман кончился, и все ахнули.

Вода была гладкая. Не просто спокойная, а гладкая, как стекло, как зеркало в прихожей. Ни морщинки. Цвета молочного чая, светлая, тёплая на вид. В ней отражалось всё: небо, облака, паруса, «Сполох» целиком, вверх ногами. Казалось, что плывут два одинаковых корабля, верхний и нижний.

— Ой, — сказала Пуговка. — Нас двое.

— Нас всегда было двое, — сказал Брамс. — Просто обычно второй мокрый и рябой.

Ветер дул слабенький, на донышке, но паруса стояли полные. А «Сполох» шёл всё медленнее, и медленнее, и медленнее. Будто въехал в густой кисель.

Барсур нахмурился. Ветер был. А корабль почти не двигался.

— Лот за борт, — сказал он.

Шкот спустил лот — грузик на верёвке, чтобы мерить глу-

бину. Верёвка ушла вниз, и ещё вниз, и всё не кончалась.

— Глубоко, — доложил Шкот. — Мели нет.

— А мы стоим, — сказал Кузо.

Они стояли. Нос «Сполоха» еле-еле толкал воду, корма покачивалась, будто кто-то внизу держал корабль за киль и не пускал.

— Шлюпки на воду, — сказал Барсур. — Потянем.

Спустили две шлюпки, завели канаты. В одну сели Барсур и Шкот, в другую Брамс и Кузо. Взялись за вёсла.

Вёсла шли легко. Шлюпки — тоже. А «Сполох» за ними — нет. Канаты натянулись, загудели, и корабль сдвинулся на ладонь. Потом ещё на ладонь. Брамс пыхтел так, что из-под шапки шёл пар.

— Как будто гору тянем, — выдохнул он. — Гору, которая не хочет.

Тянули до вечера. Прошли столько, сколько обычно проходят за время одного пирога. Барсур поднял лапу: хватит. Все вернулись на борт мокрые и злые. На закате стих и последний ветерок. Паруса обвисли, и вода вокруг стала совсем зеркальной.

Тут Пуговка и закричала.

Она сидела на бушприте — так называется длинная жердь, которая торчит у корабля впереди, как нос у комара. Сидела и смотрела вниз, на гладкую воду. А теперь показывала лапой.

Из воды поднималась чайка.

Не настоящая. Водяная. Прозрачная, как будто её отлили из стекла, а потом оживили. Сквозь неё было видно небо. Она медленно вылезла из моря, отряхнулась — с крыльев упали капли — и полетела рядом с кораблём. Без звука. Крылья у неё двигались точно так, как у чаек, которых они видели у Серого камня.

— Это та самая, — прошептала Пуговка. — Я её запомнила. У неё одно перо торчало.

У водяной чайки одно перо торчало.

Вега сдвинула очки со лба на глаза и замерла.

— Она из воды, — сказала Вега. — Целиком. Внутри у неё свет.

Чайка сделала круг над мачтами, села на гладкую воду и растаяла. Просто стала морем. Ни ряби, ни брызг.

— Ничего себе, — сказал Кузо.

Это было только начало.

Через минуту рядом с бортом из воды выросла банка. Большая, водяная, прозрачная, как стекло, с крышкой. Покачалась на поверхности и замерла.

Брамс перегнулся через борт и вытаращил глаза.

— Это моя банка, — сказал он хрипло. — Вон скол на крышке. Я её уронил в Петельках. Это. Моя. Банка.

Его банка стояла в это время на полке камбуза, целая и сухая. А водяная качалась внизу и блестела.

— Не смотреть за борт, — сказал Барсур.

Никто не послушался. Даже Шкот, который сам рассказы-

вал про старого тюленя.

Потом из воды поднялось что-то длинное и тонкое. Оно росло и росло, выше борта, выше Брамса, и оказалось верхушкой мачты. Водяной верхушкой седьмой мачты, с марсом — площадкой для вахтенного — и даже с крошечной кривой звездой наверху.

Седьмая мачта «Сполоха» скрипнула. Кузо прислушался. Скрип был удивлённый, почти обиженный: «Это я? Это не я».

— Оно нас копирует, — сказала Вега. — Оно смотрит на нас и делает копии.

— Вздор, — сказал Барсур. Но сказал без голоса.

Водяная мачта постояла и опала, как фонтан, когда закрывают кран.

Уголёк в печке не высовывался вовсе. Из камбуза доносилось его бормотание:

— Я ничего не видел. Я дух очага. Мне некогда. У меня чайник.

Пуговка достала карандаш и начала рисовать: чайку, банку, мачту. Лапка у неё немного дрожала, но рисовала она аккуратно, как всё, что делала. «Если это повторится, — думала она, — у нас будет запись».

Кузо стоял у борта и смотрел, как гладкая вода опять становится просто водой. Ему было страшно и интересно сразу. Так бывает, когда в тёмной комнате что-то шуршит, а ты уже знаешь, что это не мышь, но ещё не знаешь, что это.

— Капитан, — сказал он. — А если оно захочет показать что-нибудь ещё?

Барсур не ответил. Он смотрел вдаль.

Там, на самом краю зеркальной воды, стоял домик. Маленький, на высоких тонких сваях, как цапля на ногах. В окошке горел огонёк.

— Тут кто-то живёт, — сказал Шкот.

— Тут кто-то не спит, — поправила Вега.

Огонёк мигнул, будто их заметили.

Глава 4. Пингвин, которого не может быть

Хозяин домика на сваях приплыл к ним сам.

Сначала на гладкой воде появилась точка. Потом она начала прыгать: нырнёт, вылетит дугой, снова нырнёт. Как дельфин, только маленький и чёрно-белый. Точка подлетела к борту, выскочила из воды прямо на нижнюю ступеньку трапа и встала.

Это был пингвин.

Невысокий, Кузо по плечо. Чёрная спина, белый живот, короткие крылья, похожие на маленькие вёсла. На носу — круглые очки, одно стекло с трещинкой. Поверх живота — вязаная жилетка, серая, штопаная. За крылом торчал карандаш. А на шее, на шнурке, висел клеёнчатый мешочек, туго завязанный.

Пингвин поднялся по трапу, отряхнулся — все отскочили от брызг — и поправил очки.

— Добрый вечер, — сказал он. — Смотритель Пометка. Станция наблюдения Думного моря. Простите, у вас что-нибудь сейчас вылезало из воды?

— Чайка, — сказала Пуговка. — Банка. И мачта.

— Банка, — повторил Пометка с удовольствием и вытащил из мешочка тетрадь. — Банку я ещё не записывал.

— Подождите, — сказала Вега. — Вы пингвин.

— Пингвин, — согласился Пометка.

— Пингвины живут на юге. Я читала. В южной половине мира. Там, где лёд с другой стороны.

— Совершенно верно, — сказал Пометка. — Почти все пингвины на свете живут в южной половине Земли. На севере их нет. Ни одного. Кроме меня. Я — ошибка карты.

Он сказал это просто, без грусти. Как говорят о погоде.

— А почему их тут нет? — спросил Кузо.

— Вот! — Пометка поднял крыло. — Вот и я так спросил. Давно. Сидел у себя на льдине и думал: на юге нас тысячи, а на севере ни одного. Почему? Посередине мира, где солнце светит прямо сверху, вода в море тёплая, почти как в ванне. Пингвину там жарко, а рыбы мало. Перебраться через тёплую полосу — всё равно что пройти босиком по горячей печке. А я пошёл. Хотел посмотреть, правда ли на севере никого нет.

— И правда? — спросил Брамс.

— Правда. — Пометка развёл крыльями. — Доплыл, посмотрел: нет. Только я. А потом нашёл вот это море. И остался его изучать.

— Надолго? — спросил Барсур.

— На сорок лет, — сказал Пометка.

Он пригласил их на станцию. Барсур сначала не хотел никого отпускать, потом подумал и поплыл сам, с Кузо и Вегой. Брамс, Пуговка и Шкот остались на корабле. Уголёк в печке

сказал, что у него дела.

Станция оказалась тесной и очень сухой внутри, будто вода не смела туда заглядывать. Вдоль всех стен, от пола до потолка, стояли тетради. Одинаковые, в серых обложках, с номерами на корешках.

— Тысяча, — сказал Пометка. — Ровно. Вчера закончил. «Думоведение». Всё, что я узнал о Думном море.

Вега ходила вдоль полок, и глаза у неё за очками становились всё круглее.

— Расскажите, — попросила она.

Пометка рассказал.

В первый год он пробовал с морем говорить. Кричал. Море молчало. Во второй год он светил ему зеркалом — солнечным зайчиком, по азбуке, как моряки переговариваются с маяком. Море молчало. Потом играл ему на дудочке. Мерил глубину, брал воду в пробирки, бросал бутылки с письмами. Однажды целый месяц сидел на краю станции и рассказывал морю сказки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.